

полняла и никогда не будет выполнять одностороннюю увеселительную функцию балаганчика, точно так же как не призвана она лишь сладкозвучно умиротворять. Сказано же Есениным: «Дар поэта — ласкать и карябать, / Роковая на нем печать». Шацков, пожалуй, понимает это лучше, чем кто-либо другой.

В книгах Андрея Шацкого всегда отчетливо видна тесная взаимосвязь двух или более территорий культуры, где осуществляется литературная работа. В нашем случае речь идет о Москве и Санкт-Петербурге, двух городах-тяжеловесах, в равной степени обожаемых поэтом. В петербургских стихах Шацков чаще всего обращается к Блоку, что весьма легко предположить, но нельзя точно спрогнозировать, до чего поэты договорятся. Шацков избегает нарочитой театральности, его герой не жаждет разыгрывать представление и упиваться процессом. Он в полном одиночестве задает Северной столице терзающие душу вопросы и, не получив ответа, идет дальше, в сопровождении классической кинематографической озвучки «метель». Снова — зима, всепоглощающая! Наряду с Блоком и Пушкиным — отсылки к Есенину и Корнилову. (Кстати, в дело сохранения памяти о последнем из упомянутых поэтов Шацков вложил более десяти лет жизни.) Мы восхищенно-завистливо изучаем карту перемещений поэта: вот есенинская Рязань, вот тютчевский Овстуг...

Что впереди? Вопрос нависает угнетающе длинной паузой. Редактор журнала «Юность» Валерий Дударев опасается: «Не с кем Шацкову великий путь далее длить!» Не будем предаваться унынию, тем более что поэт умеет удивлять! Поживем — увидим.

Кирилл КОЗЛОВ

ТОМАС МАНН И «НЕАРИЙСКАЯ ФИЗИКА»

Евгений Беркович. Революция в физике и судьбы ее героев. Томас Манн и физики XX века. Одиссея Петера Прингсхайма. Предисловие Александра Мелихова. М.: Ленанд, 2017.

В нашем Роквиллском центре электроники и компьютеров по стенам развешаны большие портреты ученых, создавших в XX веке свою перевернувшую мир науку. Обычно, пока муж рассматривает компьютеры, я всматриваюсь в лица этих людей. Они умные и очень живые — и сильно отличаются от сонных, будничных и мало-выразительных лиц, меня окружающих; что-то такое горит в их взгляде, что переносит тебя в будущее, в сны фантастов, в разговоры о каком-то новом, улучшенном человеке...

В книге Евгения Берковича, рассказывающей о предшествующей стадии развития физики, о физике, в которой — с появлением квантовой механики, теории относительности, с началом изучения термоядерных реакций — тоже произошла настоящая революция, лица ученых имеют такое же излучение. Вообще-то, если у человека живой взгляд, он необязательно должен быть физиком-теоретиком, он может быть геологом, философом или поэтом. Главное, что объединяет всех «владельцев» таких лиц, — живущий в них чертик познания, интерес к миру, творческий задор...

Физик и математик по образованию, затем, после эмиграции в Германию, успешный руководитель проекта в крупной немецкой компании, ныне писатель и издатель популярных сетевых журналов и альманахов («Семь искусств», «Еврейская старина», «Заметки по еврейской истории», «Мастерская»), Евгений Беркович — еще и популяризатор науки и ее героев. Делает он это на свой манер.

В той книге, которая лежит передо мной, судьбы всех ученых-физиков, о которых ведется рассказ, связаны с жизнью еще одного постоянного героя Берковича — писателя Томаса Манна. Прочитав книгу, я подумала вот о чем: как легко было автору рассказать биографию человека, которому посвящено повествование, — физика Петера Прингсхайма, выстроив ее линейно, — родился, учился, сделал открытие...

Но... Евгений Беркович совмещает в себе два дара — математика и литератора, к тому же, как мне кажется, у него юношеская тяга к «заверченному сюжету». Посему рассказ-биография приобретает черты приключенческой повести с элементами расследования. По ходу писатель успевает нам поведать о великих немецких физиках и их работе, рассказать об истории двух крупнейших немецких университетов, хорошо известных в России, Гёттингенском и Гейдельбергском, нарисовать картину зарождения и развития национал-социализма в Германии, окунуть нас в гущу еврейского вопроса, «окончательное решение» которого так и не удалось фюреру и его подручным... «А где же здесь Томас Манн?» — может спросить внимательный читатель. В том-то и дело, что сюжет книги строится вокруг этого крупнейшего немецкого писателя XX века, как вокруг опорного столба. И в этом мне видится весьма любопытный писательский ход.

Но и сама по себе биография Петера Прингсхайма словно специально складывалась на радость будущим биографам. Был он братом жены Томаса Манна Кати, сыном известного в Мюнхене профессора математики, богача, коллекционера и любителя искусств. Семья была еврейская, но далеко отошедшая от иудаизма. В письме к брату Генриху Томас Манн писал о своих новых знакомых: «В отношении этих людей и мысли не возникает о еврействе, не ощущаешь ничего, кроме культуры». Большой слой немецкой еврейской интеллигенции к началу XX века почти полностью ассимилировался: адвокаты, врачи, профессора, музыканты, будучи евреями по крови, говорили на чистом немецком языке, воспитывались в немецкой культуре, исповедовали христианство, имели мало общего с традиционными еврейскими ценностями. Знали бы они, что для пришедшего в 1933 году к власти Гитлера значение будет иметь только то, что они евреи по рождению, а потому подлежат уничтожению вместе со своими неассимилированными сородичами. В Советском Союзе нечто аналогичное, хотя и без формулирования «расовых законов», происходило в пору «борьбы с космополитизмом» в 1948—1949 годах.

Если вернуться к Петеру Прингсхайму, то можно сказать, что ему по-человечески сильно не повезло. Судьба два раза подставила ему подножку. И это никак не было связано с его еврейством. В первый раз он был задержан и пять лет провел в лагере в далекой Австралии, куда поехал на международную физическую конференцию, совпавшую с началом Первой мировой войны. Но этого мало. В начале Второй мировой войны он жил в Бельгии, власти которой отправили его как немецкого гражданина в концентрационный лагерь на юге Франции. Вот оттуда, уже как еврей, он легко мог попасть в печи Освенцима. Оба раза спасло его только чудо вкуса с заступничеством родственников и друзей.

Одним из неутомимых и деятельных спасателей был друг Петера, нобелевский лауреат по физике Джеймс Франк. Вот еще одна неординарная судьба. Этот некрещеный еврей, один из основоположников новой физики, в годы Первой мировой получил два Железных креста. Он принимал активное участие в немецких «газовых атаках», мотивируя это тем, что «война сама по себе есть преступление». Впоследствии Джеймс многое переосмыслил. Известно, что в 1945-м он подготовил «доклад Франка», призывавший правительство США отказаться от атомной бомбардировки Японии. Естественно, что с воцарением в Германии национал-социализма Джеймс Франк покинул родину и переселился за океан. Так поступили

многие его коллеги, которых массово увольняли с работы и чья жизнь находилась под угрозой. В книге Берковича приводится занятный диалог. В 1934 году министр науки спросил у одного из профессоров Гёттингенского университета, как там обстоят дела с *математикой* — после освобождения от еврейского влияния. Ответ был предельно лаконичен: «Ее больше нет, господин министр!»

Показательна судьба и другого немецкого физика, работавшего в области квантовой механики и теории относительности, нобелевского лауреата Вернера Гейзенберга. Гейзенберг евреем не был, однако против него была направлена статья «Белые евреи в науке», опубликованная в 1937 году в мюнхенской национал-социалистической газете. Ее вдохновитель Филипп Ленард — «антигерой» нескольких статей Евгения Берковича. Дело в том, что был этот немецкий нобелиат в области экспериментальной физики одним из яростных противников Альберта Эйнштейна и его общей теории относительности. Ратуя за эксперимент, Ленард считал, что физические теории — квантовая, относительности — имеют «еврейское» происхождение, и призывал от них отказаться. Таким образом, его антисемитизм смыкался с расистским подходом к науке. Ему принадлежит учебник «Немецкая физика».

Гейзенберг, физик-теоретик, один из создателей квантовой механики, стал для Ленарда и его окружения ближней мишенью, Эйнштейн к этому моменту уже покинул Германию и жил в Соединенных Штатах (1933—1955). К чести немецких физиков — даже в то тяжелейшее время они выступили в поддержку Вернера Гейзенберга. В этой связи Евгений Беркович обращается к похожей странице в советской истории науки. На знаменитой сессии ВАСХНИЛ 1948 года, к сожалению, восторжествовала лысенковщина. «Народный академик» Трофим Лысенко при поддержке партийной верхушки разделался с советской генетикой и молекулярной биологией. Они исчезли с горизонта советской науки вместе с учеными-генетиками и молекулярными биологами, которые были подвергнуты разнообразным репрессиям. Но биологией дело не ограничилось. Автор книги пишет, что если в Германии теории Эйнштейна и Гейзенберга — Борна считались «еврейской физикой», то в СССР вплоть до смерти Сталина их называли «реакционными идеалистическими измышлениями». Читатели могут наглядно убедиться, что фашизм и авторитаризм препятствуют нормальному и свободному развитию науки. Единственной причиной того, что в Советском Союзе интенсивно развивалась теоретическая физика, констатирует автор книги, было стремление верхов заполучить атомную бомбу.

Хочу рассказать еще об одном герое, упомянутом в книге. Это американец Варриан Фрай, человек, признанный Праведником мира в Государстве Израиль. В 1940—1941 годах Фрай выполнял секретную миссию американского правительства — спасал в оккупированной Франции антифашистов и евреев, которым угрожали немецкие лагеря уничтожения. Благодаря усилиям Фрая и его команды было спасено от двух до четырех тысяч жизней, причем среди тех, кому Фрай сделал американские визы, а затем помог нелегально перейти французскую границу, были Ханна Арендт, Лион Фейхтвангер, Марк Шагал, а также брат Томаса Манна Генрих и его сын Голо. Томас и Кати Манн встречали своих близких, счастливо избежавших лагеря, а возможно, и смерти, в нью-йоркском порту.

С 1933 года Томас Манн с семьей жил в эмиграции: вначале в Швейцарии, а с 1938 года — в Америке (за три года до смерти, в 1952 году, он вернулся в Цюрих). В Америке писатель познакомился с самым знаменитым физиком XX века — Альбертом Эйнштейном, преподававшим в одном с ним Принстонском университете.

Что до героя книги Евгения Берковича, шурина Томаса Манна Петера Прингсхайма, то он — общими хлопотами родственников и друзей — был вызволен из нацистского концентрационного лагеря. Его последующая жизнь и работа протекала

в Америке и Бельгии. Причем в Америке ему довелось работать над «атомным проектом». В самом конце жизни к Петеру Прингсхайму пришло признание на родине. В 80 лет он получил звание почетного профессора в университете немецкого города Гиссена.

Книга Евгения Берковича, несмотря на небольшой объем, вместила большое число судеб, исторических эпох, интересных подробностей. Прекрасное предисловие написал к книге Александр Мелихов, сам имеющий математическое образование, кандидат физико-математических наук. Внушает уважение библиография к книге, размещенная на семи страницах. А как много в ней фотографий! Благодаря им читатели могут видеть лица ученых, о которых идет речь. Впрочем, об этих необыкновенных лицах я уже писала в самом начале моей рецензии.

Ирина ЧАЙКОВСКАЯ